

Т. Н. Потницева

Дніпровський національний університет імені Олеся Гончара

**«БРЕМЯ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА»: КИПЛИНГОВСКАЯ ТЕМА
В АМЕРИКАНСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

У центрі уваги – три оповідання європейських (Р. Кіплінг, П. Лоті) та американського (Дж. Лонг) авторів, в яких втілено популярну наприкінці XIX століття орієнтальну тему, пов'язану з проблемою зустрічі Сходу та Заходу.

Написані незалежно одне від одного, але практично в один і той же час, ці оповідання вражають тотожністю сюжетних ліній, образних планів та переживанням процесу осмислення місії й «тягаря білої людини». Орієнтальна тема у цей час стає однією із знакових як у літературі, так і в інших формах мистецтва. Для когось ця тема була можливістю проникнути в захопливий екзотичний світ, повний пригод, а для когось – південно-східний локус ставав тим простором, де рефлектуюча людина з гострим відчуттям несправедливості опинялася перед непростими проблемами зустрічі різних цивілізацій, національної та етнічної самоідентифікації і кінець кінцем – перед проблемою місії та тягаря білої людини. Усі три оповіді – це «сумні повісті про кохання», де саме кохання представлено як «критерій морального потенціалу й людяності», де трансформуються поняття «варварство» і «культура» і де варварство часто-густо постає у масці культури. Гострота переживання проблеми зустрічі/зіткнення Сходу та Заходу у кожного з авторів обумовлена тим, що вона відчута ними завдяки особистому досвіду, завдяки короткому або довгостроковому процесу входження та вживання в чужу культуру. Відчуття «чужого» як «несправжнього», «дивного» (odd, як би сказав Е. По), «неправильного», «кумедного», з яким можна

пограти, об'єднує у сприйнятті Сходу всіх прибульців сюди з Америки, Англії та Франції. А авторів об'єднує те, що у всіх у них тема «свій» - «чужий» у конкретному східному інтер'єрі перетворюється на глобальну проблему буття з його незбагненою опозицією «видимого» та «суттєвого», «уявного» та «дійсного» – всього того, що було актуальним і болючим для покоління кінця XIX століття і що було втілено практично у всій літературі цієї пори.

Ключові слова: східна й західна культура, цивілізація, зустріч/зіткнення, етнічна та расова самоідентифікація, своє та чуже.

В центре внимания – три рассказа европейских (Р. Киплинг, П. Лоти) и американского (Дж. Лонг) авторов, в которых воплощена популярная в конце XIX века ориентальная тема, связанная с проблемой встречи Востока и Запада.

Написанные независимо друг от друга, но практически в одно и то же время, эти рассказы поражают сходством сюжетных линий, образных планов и переживанием процесса осмысления миссии и «бремени белого человека». «Цивилизаторская миссия» белого человека в Юго-Восточном регионе получила, как показывают авторы, обратный эффект: именно он, белый человек, оказывается перед необходимостью узнавать «других» богов (неслучайно во всех трех историях важен аспект встречи христианства и индуизма, христианства и синтоизма), именно он поставлен в ситуацию выбора нравственного императива своей и общечеловеческой культуры.

Ключевые слова: восточная и западная культура, цивилизация, встреча/столкновение, этническая и расовая самоидентификация, свое и чужое.

The article is focused on three stories by European (R. Kipling, P. Loti) and American (J. Long) authors, in which a popular at the end of the 19th century Oriental topic of West and East encounter is embodied.

Written independently of each other but practically at the same time these stories impress by the identity of plot line, figurative plan and the very feeling concerning the mission and “burden of a white man”. At that time the Oriental topic became one of the iconic topics as in literature as in other forms of art. For somebody this topic was a possibility to penetrate a fascinating, exotic world full of adventures. But for other people this East-West locus became a place where a reflective person with an acute sense of injustice come across the problem of different civilizations encounter, national and ethnic self identity and at last – the problem of mission and burden of a white man. All the three stories are sad tales about love, where love is presented as a “criteria of moral potential and humanity”, where the notions “barbarism” and “culture” are transformed and “barbarism” often appears in the mask of “culture”. The acuteness of feeling East-West encounter is individual in the works of each of the authors but mostly it depends on their personal experience – short or long-time being in the region and specificity of the process of entering the Eastern culture. The feeling of “alien” as “not real”, “strange”(odd as E. Poe would say), “not correct”, “funny” with which one can play unites all the new comers from America and Europe in their perception of the East. And the authors are united by the fact that the topic “alien”- “one’s own” in the concrete eastern interior turns into a global problem of existence with its unchangeable opposition “visible” and “essential”, “imaginary” and “real” / All that was topical and acute for the generation of the end of the 19th century and all that found its embodiment practically in all the literature of the time.

Key words: Eastern and Western culture, civilization, encounter, ethnic and race self identification, “one’s own” and “alien”.

Причина особого интереса европейцев и американцев к странам и культуре Юго-Восточной Азии, «активизации темы Востока»[1] в конце XIX века¹ была, безусловно, в успехах обострившейся колониальной политики государств, в возрастающей роли на мировой арене США, в нескрываемой борьбе стран за сферы влияния и передел мира. Тактика «политики сотрудничества» американцев в юго-

¹ Интерес этот, как справедливо отмечают исследователи, в принципе никогда не исчезал, начиная со Средних веков [9].

восточном регионе с европейскими странами была ответом на триумфальную колониальную политику Великобритании в Индии, ставшей «жемчужиной британской короны» после распада Ост-Индской компании. С 1876 г. уже Британская Индия подчиняется прямому управлению королевы Виктории, взойшедшей на престол в этом же, 1876 году.

Ориентальная тема в это время становится одной из знаковых и в литературе, и в других формах искусства. Для кого-то эта тема была возможностью проникнуть в увлекательный, полный приключениями экзотический мир, а для кого-то юго-восточный локус оказывался тем пространством, в котором думающий и остро чувствующий человек вставал перед непростыми проблемами встречи разных цивилизаций, национальной и этнической самоидентификации и, в конечном итоге, перед проблемой миссии и «бремени белого человека», понятого Кипплингом как «каторжный труд», за который награда – «презрение родной державы. / И злоба пасомых стад» [5, с. 292] (*The blame of those ye better / The hate of those you guard* [14]). Рефлексия над столкновением «своего» и «чужого», западной и восточной цивилизации нередко убеждала в проигрыше западной культуры, ее несостоятельности перед восточной особенно в нравственном, общечеловеческом аспекте. Осознание относительности былых, казалось, незыблемых, представлений о превосходстве «своего» над «чужим» вписывалось в общую атмосферу размышлений западного человека конца XIX века о крахе идеалов, их иллюзорности, о «гибели богов». Ориентальный вектор размышлений над всем этим значительным образом способствовал уточнению и расширению диапазона доказательств, оправдывающих пессимистическое умонастроение поколения конца века. К спектру разнообразных тем «рубежа веков» «восточная тема» добавляла темы мультикультурализма и идентичности – расовой, этнической, национальной – в контексте моно- и поликультурного государства.

Три произведения, о которых пойдет речь, написаны, скорее всего, независимо друг от друга, но в одно и то же время. Это рассказ Р. Кипплинга «Лиспет» (*Lisbeth*, 1886) из сборника «Простые рассказы с гор» (*Plain tales from the Hills*), вышедшего в 1888 г., рассказ французского морского офицера, а потом популярного в Европе автора колониальных романов Пьера Лоти (*Pierre Loti*, 1850–1923) «Мадам Хризантема» (*Madame Chrysantheme*, 1887) и рассказ американского юриста и писателя Джона Лонга (*John Luther Long*, 1861–1927) «Мадам Баттерфляй» (*Madam Butterfly*, 1887). Лонг – автор именно той истории о мадам Баттерфляй, которую прославит в 1904 году опера Дж. Пуччини «Мадам Баттерфляй» или «Чио-Чио-Сан». Рассказ Лонга был сначала переделан в драматическое произведение знаменитым американским драматургом и продюсером Дэвидом Беласко (*David Belasco*, 1853–1931). Эту постановку Дж. Пуччини и увидел в Лондоне в 1900 г.

При всем том, что у всех авторов разное место действия – Индия у Кипплинга, Япония у Лоти и Лонга – поражает сходство сюжетных линий, образных планов, способствовавших акцентированию главной и актуальной для всех проблемы встречи Востока и Запада, которая оказывается в центре. Острота переживания этой проблемы у каждого связана с тем, что она прочувствована ими на личном опыте, через краткий или долгосрочный процесс вхождения и вживания в чужую культуру. Кипплинг, как известно, вырос в Индии и считал ее своей второй родиной. Тема Индии не отпустит писателя на протяжении всей его творческой жизни. Можно, конечно, увидеть в его произведениях приметы «шовинизма», в котором его обвиняют уже третье столетие от Горького, Оруэлла («...отрицаю ли я то, что сказал о шовинизме и жестокости Кипплинга? Нет...» [8]) до Михаила Веллера («Взлет и пик Кипплинга пришлись на пик славы и могущества Великой Британской империи... Величие Кипплинга соответствовало величию Британии. Закат Кипплинга соответствовал закату Британии. Понимаете?» [3]). Но на вопрос последнего, скорее всего, отвечу «нет». Потому что определить позицию и сторону

писателя как шовинистическую и в романе «Ким», и в других «индийских» рассказах автора, «Лиспет» в том числе, не получается. В чем попробуем убедиться еще раз.

Личный опыт переживания «восточной темы» есть и у Пьера Лоти. Настоящее имя писателя – *Lois Mario-Julien Viaud*. Лоти – имя, которое ему дали таитяне, означает красный цветок. Лоти упомянут Иваном Бунины в его романе «Жизнь Арсеньева», который русский писатель создавал во Франции в 1927 г. Здесь он назван человеком, для которого было что-то «волнующим», «чудодейственным» в самом слове «колония» [2, с. 8]. В 1885 г. в Нагасаки, как и Бенджамин Франклин Пинкертон из «Мадам Баттерфляй», Лоти берет себе временную японскую «жену»² и рассказывает обо всех переживаниях, в основе которых личный опыт. Об этом он сам пишет во Вступлении к рассказу, посвященному герцогине де Ришелье: « Это дневник одного лета моей жизни, в котором я не изменил ничего, даже даты...» [7]. Все происходящее датировано июлем-августом 1885 года.

История Джона Лонга тоже основывается на реальных событиях, которые Лонгу пересказала его сестра Дженни Коррелли (*Mrs Correlli*), жившая в Японии со своим мужем-миссионером. О реальных истоках истории мадам Баттерфляй пишут и современные исследователи [10]. Прототипом Чио-Чио-сан видят некую японку Цуру из клана самураев, носившую кимоно с вышитой эмблемой бабочки. В отличие и от мадам Хризантемы, и мадам Баттерфляй, Цуру была счастлива в браке и умерла раньше своего мужа, который не покинул Японию до своей смерти. Но все эти отличия реальной истории от вымышленной не имеют принципиального значения. Ведь реальная история нередко для художника оказывается лишь стимулом к созданию того сюжета, который в образно-символическом плане отражает некие общие приметы переживаний автора по поводу самой сущности бытия и человека.

Все три рассказа – «печальные повести о любви, где любовь предстает как... критерий нравственного потенциала и человечности» [13], где трансформируются понятия «варварство» и «культура» и где варварство нередко предстает в маске культуры.

Рассказ английского писателя, первого английского Нобелевского лауреата по литературе, предварен значимым эпиграфом, который, как камертон, объединяет смыслы и французского, и американского рассказав:

Любовь изгнали вы! Не вам меня учить,
 Каких богов мне чтить!
 Един во Трех? Три в Нем? Не верю им!
 Вернусь к богам своим.
 Мне утешение дадут они верней,
 Чем ваша Троица с Христом бесстрастным в ней [5].
 Пер. Д. Закса
 (Look, you have cast out Love! What Gods are these
 You bid me please?
 The Three in One, the One in Three? Not so!
 To my own Gods I go.
 It may be they shall give me greater ease
 Than your cold Christ and tangled Trinities [13]).

² С середины XIX в. Нагасаки (место действия рассказов Лоти и Лонга) становится центром развития Японии. Одна из популярных забав пришельцев из Европы и США – женитьба на гейшах. По их отъезду семейные узы заканчивали свое действие. «Свадьбы» были попыткой обойти изданный в Японии в 1883 году с появлением миссионеров закон, запрещавший содержание наложниц [10].

Автор этого стихотворного эпитафия сам Киплинг, а подпись под ним – Новообращенный (Converted) – лишь маска, недвусмысленно указывающая на позицию автора в том, о чем он рассказывает, как всегда, с подчеркнутой бесстрастностью, лаконичным журналистским стилем, скорее, транскрибируя, чем комментируя реальность и события. Но из этого «транскрибирования», фиксации деталей постепенно складывается нужный автору смысл и пафос. История пахарской девушки Лиспет, которая из-за жизненных обстоятельств (о них – буквально несколько слов, но за ними – в точных мазках приметы тяжелой жизни индусов, ставящей их на грань выживания) попадает в семью миссионеров, где принимает христианство. «Чужое» не становится до конца «своим». Пограничный, «фронтирный» статус Лиспет определен с самого начала в нескольких словах: в доме миссионеров она «не то служанка, не то компаньонка жены тогдашнего котгархского пастора» (Пер. Г. Островской) [5] (half-servant, half-companion). Переход в христианство делает Лиспет изгоем для своего племени, как и мадам Хризантему, мадам Баттерфляй для своих соплеменников. С иронией Киплинг перечисляет «варварское» понимание того, что отторгло Лиспет от котгархцев: она выглядит как мем-сахиб (госпожа) и каждый день умывается. Вершиной этого «варварства» оказывается случай, когда Лиспет, спасает упавшего с горы англичанина, приносит его в дом и объявляет своим мужем. «Неприличное поведение» девушки из рода пахари не вписалось в систему нравственных законов и представлений западного мира, для которого непосредственность и искренность аборигенов кажется лишь дикостью и «варварством». Тут Киплинг со всей очевидностью становится на позицию «чужого», отмечая, что «христианству немало еще надо потрудиться (выполняя «каторжный труд», о котором писал в «Бремени белых»), дабы уничтожить в жителях Востока такие варварские инстинкты, как, например, любовь с первого взгляда» (с. 20) (uncivilized Eastern instincts such as falling in love at first sight). Этот «варварский инстинкт» будет убит и в Лиспет, и в Баттерфляй, и в мадам Хризантеме. Последнюю мы встречаем уже тогда, когда она, вероятно, после печального жизненного опыта, который остается «за кадром», понимает иллюзорность и обманчивость того, что европейцы называют любовью. И поэтому при встрече с французским морским офицером знает заранее, что их «брачный» союз невсамделишный, временный. И поэтому берет из родительского дома немного вещей – ведь скорая разлука неизбежна. В отличие от ее истории, история Лиспет и Баттерфляй – это история о том, как и почему убивают этот «варварский инстинкт».

Прощание с тем, кого они называли своим «мужем» продолжилось в томительном долгом ожидании его возвращения: месяцами Лиспет «совершала паломничество в Нарканду, чтобы посмотреть, не идет ли по дороге ее англичанин» (с. 21), проходят годы, а Баттерфляй уже с сыном Пинкертон, не теряет надежду на радостную с ним встречу. Обе с охотой поверят в ложь – миссионера, американского консула – оттягивающих момент признания в том, что ни любви, ни замужества не было и не могло быть. Открывшаяся правда навсегда убивает не только инстинкт, но и человека. Лиспет уходит «к своим богам», превратившись с годами из античной красавицы, которую сравнивали с Дианой, в «морщинистое существо с тусклым взором, похожей на кучку истлевшей ветоши» (с. 23) (bleared, wrinkled creature. So like a wisp of charred rag...). К «своим богам» уходит Баттерфляй, покидая мир в традициях своей культуры. Честь и достоинство в ее системе координат осквернены. Спасительное избавление от мучительного существования – удар мечом, на котором начертан нравственный императив ее отцов:

To die with Honor

When one can no longer live with Honor [15].

Жизнь, в которой поругана Честь и Достоинство человека, невозможна. Общечеловеческая истина, которой до конца следует человек Востока и которой пренебрегает, как показано, человек Запада.

Все три истории, как видно, о том, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток и вместе им не сойтись!». Но каждый раз задумываешься о том, на чьей стороне автор. В «Бремени белых», в одном из своих поэтических суждений Киплинг дает такой ответ:

Не смей болтовней о свободе
 Скрыть слабость своих плечей,
 Усталость не отговорка,
 Ведь туземный народ
 По сделанному тобою
 Богов твоих познает [с. 292].
 (But all ye cry or whisper
 By all ye leave or do,
 The silent, sullen peoples,
 Shall weigh your Gods and you) [14].

«Бремя» и «жребий» Белых оказался не под силу тем, кто считает себя высшей расой, кто свысока смотрит на «тупую толпу», «языческую орду» (с. 292). Эти определения людей юго-востока Киплинг воспроизводит, как бы давая возможность послушать суждения своих современников, оставляя за собой право иметь другой взгляд, в котором, скорее, выражено осуждение шовинизма и расовой нетерпимости представителей европейской цивилизации. Эти «носители бремени белых» выглядят духовно беднее, ущербнее, порочнее тех народов, с которыми встречаются на Востоке. Чего стоят всего лишь несколько лаконичных, но убийственных фраз о поведении англичанина после отъезда из Индии: «Он совершенно забыл ее, пока охотился за бабочками в Ассаме. Впоследствии он написал книгу о Востоке. Имя Лиспет там не упоминалось» (с. 21) («Lispeth's name didn't appear»).

«Охотится за бабочками» – одна из ключевых фраз, которая связывает на образно-символическом уровне рассказ Киплинга с рассказами Лоти и Лонга. Сравнение японской девушки-«жены» с бабочкой, у которой впоследствии «будут сломаны крылья», акцентируется и у французского, и у американского автора. Вот впечатление рассказчика у Лоти от первого появления мадам Хризантемы, которая, как ему кажется, вошла в комнату, «подобно ночной бабочке, разбуженной среди дня».

Ироничная позиция автора «Мадам Хризантема» по отношению к восприятию Востока соотечественниками, как и у Киплинга, выражена с первых строк. Уже во Вступлении, посвященном герцогине де Ришелье, он, как бы разделяя позицию соотечественников, с горечью иронизирует по поводу высокомерия и «непроницаемости» западной культуры в оценке культуры Востока. Лоти призывает герцогиню воспринимать рассказ «со снисходительной улыбкой... как приняли бы диковинную вазу, болванчика из слоновой кости... как какую-нибудь несуразную безделицу, привезенную для Вас из этой страны – родины всех несуразностей». Эта горькая ирония во Вступлении, направленная со всей очевидностью в сторону своих собратьев по белой цивилизации, как у Киплинга, тоже оказывается камертоном всей истории о встрече Востока и Запада, «которым не сойтись». Вероятно, и самим автором был проделан тот «каторжный труд» на пути к пониманию «другого», который позволил ему увидеть и себя «одним из...». Первое восприятие Востока у французского морского офицера – прототипа самого автора – как чужого, ненастоящего. И природа, и люди кажутся ему «безобразными, мелочными, гротескными»; японцы – похожими на «человекообразных ежей». Только в более благодушном настроении, после сытного ужина, он способен увидеть что-то и в другом свете, отметить, что японки – это «изящные женские фигурки с раскосыми глазами».

Ощущение «чужого» как «ненастоящего», «странного» (odd, как бы сказал Э. По), «неправильного, «забавного», с которым можно поиграть, объединяет

в восприятии Востока всех пришельцев сюда и из Америки, и из Англии, и из Франции. А авторов объединяет то, что у всех у них тема «свой» – «чужой» в конкретном восточном интерьере преобразуется в глобальную проблему бытия с его непостижимой оппозицией «видимого» и «сущностного», «кажущегося» и «реального», переживаемой поколением конца XIX века и воплощенной практически во всей литературе этой поры. Очевидны аналогии символики «кукольный», «жена-куколка» у Лоти (его герой, как и Хельмер, зовет свою «жену» «моя куколка»), Лонга с Ибсеном, с Б. Шоу. Ориентальный контекст добавляет к этой проблеме свои краски и оттенки.

Весь ритуал сватовства в «Мадам Хризантеме» – а по сути продажи женщины – оценен рассказчиком так: «...мне кажется, что я обручился понарошку в кукольном театре». И все время вопрос по поводу выбранной «жены» – «женщина она или кукла?».

Скольжение по поверхности «чужого» равнодушным и «непроницаемым» взглядом позволяет, однако, уловить непонятную печаль на кукольном лице девушки и задать вопрос «что такое происходит в этой головке?» (гл. VII), чтобы через секунду забыть обо всем. Ненастоящий, игрушечный – ради забавы – брак европейца/американца с восточной девушкой легко рассыпается без особых сожалений со стороны хозяев положения. Кульминационной в разоблачении всей лицемерности, неподлинности такого союза оказывается сцена в «Мадам Хризантеме», когда Лоти, собираясь покинуть Японию навсегда, застаёт свою «жену» за тем, как она проверяет «на подлинность» фарфоровые чашки, которые тот ей оставил на прощанье. Сомнения в подлинности и искренности всего, что приносит Запад Востоку, зарождается и в тех, с кем пришельцы ведут свою игру. Но в сравнении с Лиспет и мадам Баттерфляй, убитых лицемерием и обманом своих избранников, Хризантема кажется с самого первого момента знакомства со своим французским мужем уже накопившей суровый жизненный опыт таких встреч.

Столкновение лицемерия и искренности происходит и в душах носителей «высшей» культуры. И не только как отражение разных систем нравственных координат восточной и западной культуры, а скорее системы координат отдельно взятого человека, поскольку понятия эти соотносятся с самыми общими и простыми представлениями о природе и нравственных основах человека. Рассказчик Лоти с неожиданным удивлением открывает для себя возможность «подлинного» чувства к Хризантеме, которое, как он видит, испытывает к ней его друг Ив. Размышления над этим приводит его к искренним и серьезным итогам своего японского опыта: «...нам не дано проникнуть в полную тайн подноготную религиозного увеселения этого народа, нам не дано понять, где кончается шутка и начинается мистический ужас... мы не такие, как они...». Итог, который подводит и Киплинг в знаменитых строках своей «Баллады о Востоке и Западе»:

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на страшный господен суд.

Пер. Е. Полонской [5]

(Till Earth and Sky stand presently at God's great Judgment Seat [11]).

Мистическим ужасом закончится шутивая свадьба французского морского офицера и американца Пинкертон. Но рассказчик Лоти хотя бы ищет слова сожаления, прощаясь с непознанной страной, как с засохшими лепестками лотоса, которые выбрасывает в иллюминатор уплывающего прочь от Японии корабля: «Я бросаю несчастные лотосы в бескрайний простор, принося им мои извинения за то, что пришлось похоронить их, японцев, в такой печальной и такой огромной могиле» (гл. LVI). Слова, которые резонируют с тем, что пишет Киплинг в стихотворении «Упадок Запада» (The Decline of the West, 1911):

...And the epitaph drear: "A Fool lies here who tried to hustle the East [12].

Американский морской офицер Пинкертон, как и английский орнитолог из рассказа Кипплинга «Лиспет», не испытывает ни малейшего раскаяния по поводу того, что было для них мимолетным и незначительным. Его история встречи с Востоком начинается с уже знакомого по Лоти ритуала сватовства к японской «жене на время» – «из-за отсутствия других развлечений» (*for the lack of other amusement [15]*), как со смехом замечает его товарищ Сейр (*Sayre*). Сейр с легкостью убеждает своего соотечественника в том, что это всего лишь игра, развлечение и ничего с ним не произойдет такого, что произошло с его братом, который, как и Ив у Лоти, испытал настоящее, а не бутафорское чувство любви к японке. Ведь Пинкертон, продолжает Сейр, – *imperious* – «непроницаемый»! Знакомый ключевой концепт у всех наших авторов, размышляющих о встрече двух культур и цивилизаций, непроницаемых друг для друга. Непроницаемость американца исходит, прежде всего, из типичного для западного человека высокомерия, победного взгляда свысока, подкрепленного в опере Пуччини лейтмотивными шестью нотами из пока еще будущего гимна США, а во времена Пинкертона – гимна морских сил этой страны. Это в совокупности с самим значимым именем – Бенджамин Франклин Пинкертон – делают американца обобщенным образом-символом самой Америки.

Его снобизм и высокомерие обозначены изначально в том, как он оценивает японцев – «второй сорт», «маргиналы» (*back number*), недочеловеки, «вещи» (*she was quite an impossible little thing* – о мадам Баттерфляй). Тот же ряд уничижительных определений, которые слышал и Кипплинг в Индии («тупая толпа», «языческая орда»). И поэтому, как герой Лоти, может лишь отметить непостижимую печаль на лице своей избранницы (*like a lacquered tragedy*), чтобы тут же перестать об этом думать. И не понять того, что в душе ее борется осознание иллюзорности, «неподлинности» происходящего и стремление поверить в то, что браки и в Америке – священны, что она будет «*bes' happy female woman in Japan*». Печальный итог тому, что будет дальше, уже предсказан именем родившегося сына. Как и у Гарди в «Гесс из рода д'Эрбервиллей (*Sorrow* – Печаль), оно символично – *Trouble* (Беда), поначалу отождествленное Баттерфляй с понятием Счастье. Но заметная для всех «непроницаемость» двух смыслов, не видима поначалу только ей. До самого конца Баттерфляй будет переполнена страстным ожиданием того, в кого безгранично верит. Глава V, названная «Песнь Печали – Смерти – и Небес» (*A Song of Sorrow – and Death – and Heaven*), – подобна античному плачу Дидоны, томящейся в ожидании своего Энея. Этот монолог-лемент – кульминация переполнивших Баттерфляй чувств, которые остаются и безответными и поруганными. Как за последнюю соломинку, она держится за лживые уверения американского консула в том, что Пинкертон вот-вот вернется к ней. Хотя тот уже знает и о его женитьбе, и о совсем других планах на жизнь, в которой японской «жене» давно нет места. Скорее, из чувства сострадания (он с пониманием оценивает все происходящее, как «*comedy that could not succeed without its elements of tragedy*», гл. XI) консул говорит неправду, увильивает от прямого ответа. Лонг называет главу «*The Mos' Bes Wize – Man*» – через голос самой Баттерфляй дает свою вполне понятную оценку соотечественнику. Здесь как бы слышен голос и кипплинговской Лиспет: «*You have killed Lispeth... You are all liars, you English*».

Лицемерие и фарс завершаются трагедией, которую предчувствует консул. С появлением второй леди Пинкертон жизнь для Баттерфляй становится бессмысленной.

«Цивилизаторская миссия» белого человека в Юго-Восточном регионе получила обратный эффект: именно он, белый человек, оказывается перед необходимостью узнавать «других» богов (неслучайно во всех трех историях важен момент встречи христианства и индуизма, христианства и синтоизма), именно он по-

ставлен в ситуацию выбора нравственного императива своей и общечеловеческой культуры. И каждый в ситуации этого выбора по-своему предстает «на Страшном господнем суде». И как бы ни мелодраматизировали авторы либретто к опере Пуччини (Луиджи Иллика и Джузеппе Джакоза) концовку истории Чио-Чио-Сан (опера завершается поспешным возвращением Пинкертона к дому Баттерфляй, его слезами и раскаянием), эта печальная повесть остается в памяти как повесть о «гордом и простом героизме»³. Ее потрясенный читатель, как и читатель «Лиспет», «Мадам Хризантема» переполнен тревогой и печалью, которые оставляют лаконичные и многозначительные концовки в исходных текстах: “When Mrs. Pinkerton called next day at the little house on Higashi Hill it was quite empty”.

Библиографические ссылки

1. *Андреева Елена*. Ориенталистские мотивы в творчестве Генри Рейдера Хагарда. Оренбург: Оренбургский гос. Ун-т, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://books.google.com.ua/books?id.>
2. *Бунин И.* Жизнь Арсеньева. – М.: Согласие, 2000. – 404 с.
3. *Веллер Михаил*. Рандеву со знаменитостью. М.: Litres, 2017. – 659 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://books.google.com.ua>
4. *Зотова Л. И.* «Индийская» новелла и ее своеобразие в системе прозы Р. Киплинга 1880-х гг. // Молодой ученый. Ежемесячный научный журнал. - № 12/35, декабрь 2011. – С. 24. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.moluch.ru>
5. *Киплинг Р.* Бремя белых. Пер. В. Топорова // Киплинг Редьярд. Рассказы. Стихотворения. – Л.: Худ. лит-ра, 1989. – 368 с. Все последующие ссылки на данное издание с указанием страниц в тексте.
6. *Куприн А.* Редьярд Киплинг // Куприн А. Собр. соч.: в 6 тт. – М.: ГИХЛ, 1958. – Т. VI.
7. *Лоти Пьер*. Госпожа Хризантема. Пер. Анны Собашниковой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [Libre Book /librebook.me/madame_chrysanth_me/vol1/1](http://librebook.me/madame_chrysanth_me/vol1/1) Все ссылки на данное издание.
8. *Оруэлл Дж.* Англия и англичане. Пер. с англ. В. Гольшева. М.: Ast Publishers, 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (<https://books.google.com.ua>)
9. *Чистякова Э. Э.* Влияние восточной эстетики на европейскую художественную культуру XVIII-XX вв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/v_rosenberg_conference_4_2011
10. Япония: Все беды города N(2) (VENIVIDI, 28авг., 2007). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: venividi.ru/node/1845
11. *Kipling R.* The Ballad of East and West. Op. cit. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.poetryloverspage.com/poets/kipling/white_mans_burden_html
12. *Kipling R.* The Decline of the West. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://poem.hunter.com/poem/the_decline-of-the-west](http://poem.hunter.com/poem/the_decline-of-the-west)
13. *Kipling R.* *Lisbeth*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ebooks.adelaide.edu.au/k/kipling/rudyard/plain/chapter_1 Все последующие ссылки на этот источник.
14. *Kipling R.* The White Man’s Burden. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.poetryloverspage.com/poets/kipling/white_mans_burden_html
15. *Long John Luther.* Madame Butterfly. – Boston; N.-Y.: Grosset and Dunlap, 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: xroads.virginia.edu/~hyper/long/headv.html. Все последующие ссылки на данный источник.

Поступила в редколлегию 18.03 2018 г.

³ Так А.Куприн оценивал истории, рассказанные Киплингом [6, с. 609].